

КАКИМ БЫТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ?

*В обсуждении проблемы приняли участие ректор Московского государственного университета технологий и управления доктор педагогических наук, профессор **О.К. Филатов**, ректор Московского гуманитарного университета доктор философских наук, профессор **И.М. Ильинский**, заместитель директора по научной работе Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор **В.А. Луков**, ректор Национального института бизнеса, доктор философских наук, профессор **С.И. Плакий**, доктор физико-математических наук, профессор **Е.Н. Яковлев**, кандидат философских наук, заместитель руководителя лаборатории **Э.М. Спинова**, кандидат педагогических наук **К.А. Мишина**.*

*«Круглый стол» ведет доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор **П.С. Гуревич**.*

П. Гуревич. В отечественном образовании происходят значительные преобразования. Мы переходим к новым технологиям, внедряем модульное образование, подписали соглашение о Болонском соглашении. Каким быть отечественному образованию? Не секрет, что на этот счет в обществе существуют разные мнения, не все согласны с проводимыми реформами. В то же время, как известно, образование представляет собой важнейшую сферу культуры. Общество не может быть равнодушным, к кому, каким станет отечественное образование в ближайшее время. В связи с этим мы хотели бы обсудить ряд актуальных вопросов:

1. Каковы достоинства и недостатки современного отечественного образования?

2. Что станет с российским образованием после подписания Болонского соглашения?

3. Как, на ваш взгляд, можно было бы улучшить образование в нашей стране?

4. Что вредит отечественному образованию, каковы его негативные тенденции?

5. Возможно ли элитарное образование или оно должно быть только массовым?

6. Нужны ли нашей стране негосударственные вузы?

Реформы в образовании

И. Ильинский. В современном российском обществе, если оно претендует называться демократическим, наряду с государственной должна существовать независимая от него система образования, которая была бы сориентирована прежде всего на частный сектор, на рыночную экономику. Частный сектор должен быть представлен в законодательных органах государственной власти, иметь свои политические партии, молодежные

организации, свои (частные, независимые) СМИ, свою негосударственную (в том числе частную, независимую) систему среднего и высшего образования, где в основном и должны обучаться дети наиболее состоятельной части среднего и высшего класса.

Абсолютно убежден в том, что государственное, да еще массовое и узкоспециализированное образование такую задачу никогда не будет ставить, а если «вдруг» какой-то ректор вуза решить это сделать, то у него ничего не выйдет. Ибо для этого необходимо иметь известное и немалое количество преподавателей определенной идеологической, частнособственнической закваски. Но откуда их взять в российских госвузах? Как они могут в одной аудитории славить силу частного капитала, а перейдя в другую, возвеличивать роль государства? И почему на налоги миллионов наемников, за счет которых содержится государственное образование, должны обучаться и воспитываться дети тех, кто сегодня управляет ими, а завтра будут управлять уже сами нынешние дети? Конфликт низших слоев общества с высшим образованием в современной России вполне ощутим и еще неизвестно, во что он выльется. Если элита, захватившая власть, богатство и престиж, начнет укреплять свои позиции за счет привилегированных групп, конфликт неизбежно усугубится и обострится, может привести к социальному взрыву. Мнение, что богатые обучаются в госвузах вместо бедных и за их счет, имеет широкое хождение. И для этого есть немало оснований. Скажем, дать взятку в 25-30 тысяч долларов за поступление в «престижный» госвуз, а потом тянуть за деньги свое чадо еще пять лет обучения, бедная семья не в силах.

подавляющее большинство граждан России убеждено, что высшее образование должно, во-первых, способствовать развитию человеческих ресурсов общества; во-вторых, создавать механизм селекции индивидов исключительно в соответствии с их способностями и талантами; в-третьих, готовить специалистов для тех видов деятельности, к которой они наиболее способны, и тем самым служить своеобразным «лифтом», позволяющим человеку низшего слоя подняться на высший этаж любой из элит. Иными словами, наше нищее и раздраженное общество готово принять идею социальной селекции только на основе интеллектуальных способностей, творческих талантов и личных достижений человека и напроць не приемлет идею попадания в элиту согласно предписанному статусу, принадлежности к определенному слою высшего класса. Только наиболее способные должны достигать самых ответственных, элитных позиций. Я тоже за это. Но вот беда: в жизни происходит все по-иному. И всегда по-другому выходило. И будет выходить. А с жизнью следует считаться.

В России уже скоро 15 лет существует сектор негосударственного образования. Среди негосударственных вузов около трети – частные. Может показаться, что это вполне негосударственные, вполне свободные и вполне независимые учебные заведения. Увы, в России многое только кажется: рынок, демократия, свобода...

Э. Спирина. Своего рода миражи...

И. Ильинский. Вот именно. На самом деле подавляющее большинство вузов этого типа в главном и основном - в содержании образовательных услуг - самые что ни на есть государственные, так как работают в жестком поле государственных образовательных стандартов (ГОС). Шаг право, шаг влево – и ты не получил госаккредитацию, а с этим право на выдачу госдиплома. Большинство негосударственных вузов, в том числе частных, - обычные (а чаще еще более слабые) госвузики по производству кадрового человеческого ширпотреба. Заявляя, что они готовят «специалистов будущего», «кадры XXI века» и т.п., они совершенно не отдают себе отчета в том, что в негосударственном образовании есть своя социальная потребность.

О. Филатов. Что у негосударственных вузов есть своя функция?

И. Ильинский. Разумеется. Поддержание стабильности и воспроизводства элиты общества и прежде всего его частного сектора, высшего класса. В тех Соединенных Штатах Америки имеются такие элитные школы, как Гронтон и Сен-Поль и такие элитные учреждения, как Гарвардский, Колумбийский, Йельский, Принстонский; такие элитные средние университеты, как Итон и Хэрроу и такие элитные университеты, как Оксфорд и Кембридж в то же время являются и элитарными.

В. Луков. Правильнее сказать – были элитарными, то есть закрытыми и с лучшими в этих странах и в мире вузами...

И. Ильинский. Да, потом по мере демократизации общества они стали более открытыми настолько, что ныне почти половина обучающихся в этих вузах – из низшего класса, а качество образования, как и плата за обучение, по-прежнему наивысшее. Подчеркну еще важное обстоятельство: элитные (high quality education) и открытые учебные заведения родились из ныне элитарных, закрытых, когда-то доступных только для детей знати и богачей. Такова логика развития образования до древнейших времен до нынешнего дня во всех странах мира. Демократизация общественной жизни вносит свои коррективы, но не в силах отменить этот закон, политика не в состоянии запретить экономику и власть богатства, которое имеет свойство концентрироваться в руках меньшинства, управляющего большинством. Стабильное воспроизводство качественной элиты обеспечивается системой контролируемых ею качественных учебных заведений. Союз элиты знаний и бизнес-элиты создает элиту элит, сверхэлиту.

П. Гуревич. А в России?

И. Ильинский. России только предстоит в ускоренных темпах (с учетом общеисторического опыта) пройти этот путь. Первые шаги по дороге капиталистического строительства наша страна совершает в тот момент, когда формирование элит в развитых странах происходит по двум каналам: 1) через открытое продвижение на вершине правящих элит людей, обладающих выдающимися способностями и талантами, 2) через систему закрытого рекрутирования в элиту по признакам знатности, богатства и связей родителей. Но если на Западе, где существует действительно элитное образование, реальный рынок и развитая демократия, все большее значение имеет первый канал, то в России, где так называемые элитные вузы – это фикция, а

демократия и рынок имеют приставку «псевдо», высшие должности, места в политической, деловой, медийной и других элитах занимают на основе личных знакомств по принципу «свой - чужой» или просто покупаются за деньги. Родные дети получают должности, власть и богатства как в Древней Руси по праву наследования, без учета специальных знаний, способностей управлять и необходимых нравственных установок.

П. Гуревич. Это как-то отличается от, допустим, американского опыта?

И. Ильинский. Как известно, в США используется так называемая «классификация Карнеги», согласно которой все университеты и колледжи делятся на шесть категорий, и высшая как раз и является исследовательским университетом. Они характеризуются широким набором учебных дисциплин, имеют в своем составе аспирантуры, присуждают не менее 50 докторских степеней (PhD) в год и получают государственное финансирование на выполнение научных исследований не ниже определенного уровня (не менее \$15,5 млн. в год). Отнесение университетов к исследовательским происходит по факту, а не задается директивно и не сопровождается предоставлением каких-либо льгот.

С. Плаксий. Российское государство и общество вправе ожидать от образования отдачи. Но лишь той отдачи, которая адекватна их вложениям. Современное образование весьма ресурсоемко как в финансово-материальном, так и в интеллектуальном плане. Если перед образованием ставятся новые, более сложные задачи, то и финансовые, а также человеческие вложения в него должны быть соответствующими. Главное в образовании, конечно же, интеллект. Чем выше интеллект учителей, преподавателей и других сотрудников (а также и студентов), тем качественнее и эффективнее будет образование. Интеллект порождает более высокий интеллект. Но для своего воспроизводства он требует определенных условий и благ. Банальным, но справедливым является утверждение: интеллект течет туда, где его ценят и стимулируют, где за него платят.

П. Гуревич. Интеллект, не понимающий своей выгоды, выглядит сомнительным.

С. Плаксий. Это так. Реальность же сферы российского образования такова: государство по сравнению с советскими временами вкладывает в него в 2-3 раза меньше. Сравним себя с развитыми странами мира, от которых мы не хотим отстать в области образования: например, российское государство и общество тратят в 10 раз меньше на одного студента, а результат хотят получить больше. Но ведь товары и услуги в России стоят уже не дешевле, чем в развитых странах.

О. Филатов. По крайней мере не намного.

С. Плаксий. Так почему же интеллектуальный труд оценивается так низко? Можно ли закладывать и ожидать новых параметров функционирования высшего образования, если платить меньше? Государство говорит: хотим более качественное и эффективное высшее образование, соответствующее лучшим мировым образцам и запросам рынка труда. Но почти не занимается и не стимулирует основополагающие факторы их повышения, динамики,

модернизации. Каковы они? Первый и решающий фактор, основное звено, за которым тянется вся цепь – это кадры и, в первую очередь, - профессорско-преподавательский состав. Нельзя сказать, что руководство страны не понимает этой прописной истины. Так, в конце октября 2005 года В.В. Путин на заседании Совета при президенте по науке, технологиям и образованию в очередной раз провозгласил: «Учитель – главная движущая сила качественного обновления вузов и школ». Но почему же это правильное высказывание высшего должностного лица России не переходит в правильные действия по резкому увеличению зарплаты преподавателям?

О. Филатов. Потому что правильное высказывание дешевле самих выплат.

С. Плаксий. Понятно, что нынешние незначительные изменения в оплате труда эффекта не дадут. Финансовых средств и времени не хватает для необходимого пополнения знаний, творческой работы. Способная молодежь, окончившая вуз, на зарплату в 100-200 долл. США не идет и не пойдет. В результате темпы притока молодых преподавателей в высшую школу ниже, чем необходимо. За первым звеном тянутся содержание образования, технологии обучения. Ведь и то, и другое обеспечивается преподавателями. Именно они пишут учебники, программы, выходят в аудитории. Вот мое мнение. Реформистские устремления и реальные действия властей лишь косвенно касаются самого важного, сути, реальных механизмов обновления высшего образования и не способствуют решению ключевых его программ. Модернизацию надеются провести сверху, малыми финансовыми затратами и пренебрегая интеллектуальным потенциалом высшей школы, ее внутренней синергетикой и спецификой. Таковы, на мой взгляд, и последние инициативы Правительства России: призванные повлиять на высшее образование, повысить динамику его модернизации, но подготовленные чиновниками в тиши кабинетов и принятые без широкого обсуждения, учета мнения образовательного профессионального сообщества.

Речь идет о Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2006-2010 гг., принятой, подписанной председателем Правительства 3 сентября 2005 года. Анализ этого документа и выступлений А. Фурсенко показывает, что попытки реформирования сверху весьма противоречивы. Я считаю, что выбранные пути модернизации образования и направление финансовых потоков не выведут образование из кризиса. Деньги будут потрачены не на обновление образования как такового, а в основном на бюрократические структуры и на суету вокруг. Неслучайно самые часто встречающиеся в Концепции слова – это «управление», «механизм», «контроль» и «оценка» и на них же выделяются деньги. В Концепции говорится, что она обеспечит продолжение модернизации мер, принятых в 2001-2005 годах. Но на что же выделяются деньги? Из 45,3 млрд. рублей бюджетных средств 18,6 млрд. предполагается потратить на повышение эффективности управления в системе образования, еще 3,6 млрд. – на совершенствование экономических механизмов в сфере образования, 5,2 млрд. – на развитие системы обеспечения качества. Иначе говоря, 27, 4 млрд. рублей

или более 60 проц. финансирования Программы пойдет чиновникам на самих себя как управленцев, на ведение административно-бюрократических игр на образовательном поле. Еще 16, 7 млрд. рублей должны обеспечить совершенствование содержания и технологий обучения. Но распределяться они будут теми же чиновниками министерства. Напрочь игнорируется тот безусловный факт, что процесс образования, его совершенствование, повышение качества происходит не в управленческих структурах, а в конкретных вузах, на конкретных кафедрах, в работе конкретных преподавателей, непосредственно в учебных классах, аудиториях совместными усилиями педагогов и обучающихся.

Особая, но еще мало осознанная разрушительная опасность исходит из планируемого массового, и в срочном порядке, перехода к системе «бакалавриат-магистратура», поскольку она, во-первых, ведет к слому сложившейся и в целом успешной системы подготовки кадров и приведет к существенному сокращению числа вузовских преподавателей. Во-вторых, подход к ее введению ограничивает автономию вузов, так как все решается за вузы. Предполагается ввести закон, в соответствии с которым будет «двухчленка» - «бакалавриат и магистратура». И лишь по некоторым специальностям допускается специальность.

П. Гуревич. Поясните, пожалуйста

С. Плаксий. В бакалавриате учатся 4 года, а кое-где и 3, в магистратуре – 6 лет. Но в магистратуру поступить сможет примерно пятая часть выпускников бакалавриата, и за деньги. А все остальные учиться не будут. Этим обеспокоен и ректор МГУ, академик В.А. Садовничий, который отметил, что «большинство современной молодежи вынуждено будет ограничиться только лишь одной ступенью, общая планка образования снизится до четырехлетнего образования».

В этой связи планируется пересмотр содержания образования за счет более общих знаний и за счет того, что убираться будут специальные дисциплины, а тем более специализации. Бакалавр определяется как специалист, имеющий высшее образование, подготовленный по целому направлению, но не обладающий суммой знаний по конкретной специальности. Но современная практика и тенденции на рынке труда в развитых странах показывают, что рынок труда как раз движется в ином направлении. Специализированный работник дает больший экономический эффект, больше отдачи уже в первые годы работы. Поэтому сегодня на рынке труда все больше ценится выпускник вуза с широким кругозором, разнообразной подготовкой и узкой специализацией. Развитые страны переходят на составные, комплексные гибриды профессий. Такие специалисты могут быть подготовлены не менее чем за пять лет. И в ближайшие десятилетия именно такие специалисты будут востребованными. Ни с точки зрения здравого смысла, ни с точки зрения современной науки нельзя освоить за меньший срок и более качественно с каждым годом возрастающий объем необходимых для специалистов знаний и компетенций.

Болонское соглашение

П. Гуревич. Вхождение в Болонский процесс необходимо, потому что помогает нам соотнести наше образование с мировыми образовательными стандартами. Но, с другой стороны, как сохранить национальные традиции, как не утратить те достижения, которыми располагает отечественное образование? Это тоже хотелось бы обсудить

Екатерина Андреевна, вы изучали реформы высшего образования в Италии и Венгрии на основе Болонского процесса. Насколько я знаю, вы даже защитили диссертацию на эту тему. Разумеется, вы сторонница этого соглашения. Ваши доводы...

Е. Мишина. Я считаю, что процесс интеграции в европейском высшем образовании надо оценить только положительно. Чтобы реализовать задачи Болонского соглашения страны Европы проводят реформы, в ходе которых осуществляется модернизация высшего образования. Программа действий Болонского процесса подразумевает введение общих принципов и системы высшего образования европейских стран. Это позволит создать до 2010 года структурно-организационную базу единого образовательного пространства. Болонский процесс можно рассматривать и как процесс интеграции систем высшего образования европейских стран и усиления международного сотрудничества университетов. Предполагается модернизировать европейское высшее образование и повысить уровень его престижа и конкурентоспособности в мировом масштабе.

П. Гуревич. Не приведет ли это к унификации?

Е. Мишина. Болонский процесс не нацелен на унификацию высшего образования стран Европы. Он, напротив, предполагает сохранение и учет национальных педагогических традиций и менталитетных особенностей, что ставит вопрос о необходимости рассмотрения данного социально-педагогического феномена как инновационного процесса, подчиняющегося реализации любой инновации.

П. Гуревич Конкретно для России, чем это хорошо?

Е. Мишина. Россия – участница Болонского соглашения с 2003 года, следовательно, анализ реформирования, в ходе которого европейские страны реализуют задачи Болонского процесса, может быть полезен и российского образования. В целом, задачи Болонского процесса согласуются с задачами развития российской высшей школы, поставленными в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года». Речь идет об обеспечении прозрачности и сопоставимости структуры степеней, открытости и диверсификации образовательных траекторий, мобильности студентов и качества высшего образования.

С. Плаксий. Я бы поставил вопрос иначе. Как не выйти из Болонского процесса и соблюсти интересы российской высшей школы, как повысить качество образования? Выход, между прочим, очень прост: сделать высшее образование трехступенчатым по всем специальностям по схеме: «бакалавриат – специалитет – магистратура». Самое главное провести тщательную ревизию

содержания обучения и все силы направить на его обновление. Выбор же схемы (маршрута) обучения оставить за вузами и студентами.

Если вуз хочет вести у себя бакалавриат – пожалуйста, бакалавриат и специалист – нет возражений, только специалитет – решайте сами, магистратуру – если в состоянии, то вводите. Именно так стоит вопрос в развитых странах. Но сначала надо тщательно проработать, обсудить, решить с профессиональным сообществом высшей школы и работодателем, чему учить в течение четырех, пяти и шести лет.

П. Гуревич. В развитых странах именно так?

С. Плаксий. В США и Великобритании, где в основном распространена подготовка магистров, их нацеливают и обучают прежде всего для научно-исследовательских работы. Система «бакалавриат-магистратура» наиболее развита в США. Там обучение на степень академического магистра (Master) предполагает комбинацию научных исследований и классного обучения. Преподавание более интенсивно, а процесс обучения более самостоятельный. Есть и профессиональная магистратура. Ее цель – подготовка студентов по ряду особых профессий. Выпускники такой магистратуры становятся «магистрами образования», «магистрами социальных работ», «магистрами бизнес - администрирования». В США в бакалавриате учатся 4 года, а в магистратуре еще 2 года. Но не надо забывать, что для поступления в бакалавриат нужно проучиться не менее 12 лет. Большинство развитых стран мира и подавляющее большинство вузов лишь изучают целесообразность, пути, возможности, сроки и содержание обучения.

О. Филатов. А в Европе?

С. Плаксий. Приведу пример Германии. Там не министерство образования и даже не руководство университетов решают вопросы возможного содержания обучения и переподготовки кадров. В России же никто всерьез не ставит вопросы, кто, чему и где будут учиться в магистратурах. Согласие же и даже нетерпение ректоров некоторых ведущих университетов обусловлено, в основном, желанием получить возможность дополнительных финансовых поступлений. Даже в МГУ или Санкт-Петербургском университете недостаточно преподавателей, способных «потянуть» магистратуру на должном уровне. От перестановки уже имеющихся кадров сумма не изменится и качество не вырастает более или менее существенно.

О. Филатов. Но ведь Россия подписала Болонскую декларацию и обязалась к 2010 г. придерживаться «единого Европейского стандарта» с двумя циклами обучения (бакалавриат – 3- 4 года; магистратура – 2 года обучения после бакалавриата).

С. Плаксий. Но, во-первых, еще большой вопрос, не ошибочно ли такое решение и перейдут ли все европейские страны и все университеты на такую систему? Во-вторых, мешает ли большей мобильности студентов и преподавателей, преодолению изолированности российской высшей школы наличие такого звена, как специалитет? В- третьих, для России полезнее, чтобы основная масса выпускников высшей школы училась 4 или 5 лет? Какой срок

обучения объективно необходим для освоения лавинообразно нарастающего объема знаний (притом, что учиться, конечно же, надо всю жизнь)?

В пылу дискуссий о бакалавриатах, магистратурах, кредитах, рейтингах, механизмах и прочих атрибутах модернизации российская школа отстает от ведущих вузов мира в самом главном – качестве самого учебного процесса. В Интернете идет обсуждение проблем качества и эффективности российского высшего образования в сравнении с зарубежным между студентами, высказывания некоторых из них весьма красноречивы. Один из них, выпускник физфака МГУ, пишет: «Сравнивая свой опыт учебы в Московском университете и в Чикагском, могу с уверенностью сказать апологетам российских университетов – ребята, вы просто ничего слаще морковки еще не пробовали. Конкретно, в моем московском опыте несравнимо отстали следующие моменты: качество преподавателей, принцип формирования программы, формат занятий, мотивация студента на каждодневные занятия и техническая оснащенность...»

Е. Яковлев. Я хотел бы затронуть одну проблему, которая мне представляется важной. Мы говорим о реформе образования, но не отмечаем, насколько важна эта сфера в жизни общества вообще. Нет, я понимаю, что все выступавшие это осознают. Но есть ли в обществе культ знания, культ научного подвига, если угодно. Я приведу только один пример. Отмечалась годовщина полета Ю.А. Гагарина. Все газеты, все каналы телевидения рассказывали о том, «каким он парнем был», какое мужество проявил. Все это так. Но ведь был реальный подвиг рассказать не только о том, кто сказал: «поехали!» Слава первому космонавту, но разве его полет был бы возможным без подвига огромной армии ученых, специалистов, которые одолели космос. Если кто-то сегодня выбирает жизненный путь, он полагает, как хорошо быть таким, как Гагарин. Но ведь важно, чтобы статус научного сотрудника, ученого должен быть высоким. Помню время, когда в нашем доме реакция на тех, кто проживал в нем, была примерно такая. Говорили: «в этой квартире живет известный профессор», а здесь проживает официант ресторана в поезде. Каждый раз, когда он возвращался из поездки, он нес мешки с икрой и другими деликатесами из ресторана. Это тоже вызывало уважение и зависть. Однако сегодня только такой «несун» и может заслужить восхищение. А что можно сказать о нищем профессоре? Всякая реформа должна иметь внутреннюю логику. С того ли мы начинаем? Чтобы повысить качество образования, надо чтобы люди хотели учиться, чтобы они понимали ценность науки для общества. А это все блистательно отсутствует...

Элитарное образование

И. Ильинский. По поводу элитарного образования можно затеять бесконечную дискуссию, ибо она, как это принято многими считать, затрагивает вопросы равенства и социальной справедливости. И это на самом деле так. Однако вдаваться в споры я не стану, ибо в теоретическом плане здесь в общем-то все ясно. Проблема эта стара как мир, есть целая отрасль

политологии -элитология, литература которой имеет своих классиков, начиная с Пифагора и Гераклита. Что существенного можно добавить по этому вопросу? Я знаю, что в Москве и Подмосковье, а также в некоторых крупных городах российских регионов, существуют очень дорогие частные школы, ежемесячная стоимость обучения в которых колеблется от 1000 у.е. и более. Эти цифры повергают российского обывателя в шок, поскольку для многих — это сумма годового бюджета семьи. А сумма, полученная после умножения этой суммы на 10 месяцев обучения, вызывает злобу и ненависть ко всем, чьи дети ходят в такие школы. Ну и что? То, что в России множество бедняков и нищих - это, конечно, безобразие и позор для государства и властей. Мы можем сколько угодно возмущаться таким положением вещей, но будет лучше, если мы станем все-таки что-то делать, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Людей радикальных взглядов немного. Подавляющее большинство смотрит в будущее с социально-либеральных позиций в надежде на то, что государство и частный сектор (прежде всего, богатые) найдут оптимальный вариант взаимоотношений и управления обществом, позволяющий уничтожить нищету и сократить бедность.

В. Луков. Существует еще одна немаловажная причина, по которой вузы «массового» производства специалистов не устраивают состоятельных потребителей: здесь мало интересуются отдельно взятым студентом. Между тем немалая часть детей из богатых семей нуждается в индивидуальном подходе. Не только потому, что богатство родителей никому не гарантирует ум и способности. Массовое и узкоспециализированное образование готовит специалиста, исполнителя, «человека-винтика», «человека-функцию». Между тем молодое поколение высшего класса, в частности, богатых семей, должно обладать лидерскими качествами.

П. Гуревич. Не является ли сама эта идея – идея элитарного образования – ошибочной, сомнительной? В данном случае я, во-первых, опираюсь на классиков мировой социологии: Вильфредо Парето, Макса Вебера и особенно Карла Мангейма, которые достаточно обстоятельно изучали эту проблему. Общий пафос их исследований заключается в том, что любое здоровое общество должно иметь массовое образование и образование элитарное.

Я хотел бы остановиться на самом термине, потому что сейчас во многих документах мелькает то слово «элитное», то «элитарное» образование. Но, разумеется, речь идет не об обучении элиты, наиболее обеспеченной части общества. И когда я консультировался с теми специалистами, которые занимаются этой проблемой, то мы пришли к убеждению, что, скорее всего, это проблема конвенции, то есть, проще говоря, как назовем, так и будем в дальнейшем использовать это понятие.

Существует оппозиция: массовая культура и элитарная культура, массовое образование и элитарное образование. Действительно, когда Карл Мангейм пытается найти наглядные иллюстрации для обозначения этого элитарного образования; то он испытывает огромные трудности. Разумеется, речь идет не о суперэлитных вузах, которые получают государственное

обеспечение. Понятное дело, что все, о чем так замечательно здесь говорил профессор Сергей Иванович Плаксий – это немножко другая тема. Речь идет о маленьком оазисе общего образования, где могут отрабатываться современные образовательные технологии, противопоставленные общей тенденции массовизации общества.

Мы понимаем, что общество сегодня вынашивает другую идею – идею массовизации образования. Этому содействует либеральная идеология, которая признает право каждого человека учиться и получать образование. Это диктуется, наконец, потребностью экономической, социальной и всякими другими потребностями нашего общества, поскольку массовое образование по определению специализированное. Оно готовит тех специалистов, которые нужны обществу с той надобностью, которую общество обозначает.

Я разделяю также идею профессора Ильинского, который сказал, что массовое образование по самому своему специфическому облику не может транслировать будущим поколениям совокупный духовный опыт человечества. Иначе говоря, массовое общество не обладает тем механизмом селекции информации, поиском ее наиболее ценных образцов. И когда здесь так замечательно говорили о компьютерных технологиях и о возможности доступа к знаниям во Всемирной паутине, то речь идет все-таки о реальных шансах, о том, что образование становится доступным. Но в силу именно этой доступности оно утрачивает важнейший признак элитарного образования, который я определил бы как целостность образования.

Я уже имел возможность сказать, что массовое образование, даже вооруженное современными технологиями, не может стать целостным, потому что оно готовит специалистов для реального социума. Поэтому идеал целостности образования, который Манхейм иллюстрирует на примере аристократической культуры или университетской культуры средневековья, конечно, не может совместиться с идеей разностороннего образования.

Недавно на одном ответственном совещании весьма известный исследователь говорил: какой ужас в современной школе, которая все больше и больше скатывается к средневековью, к варварскому средневековью, начинают преподавать религию. Для него преподавание религии в школе казалось актом варваризации страны и образования. Но классический идеал целостности образования включает в себя, по крайней мере, четыре компонента: науку, философию, теологию и искусство. Конечно, ни одна разновидность современного образования этому идеалу не отвечает. Мы не можем указать такие программы, где в равной степени присутствуют эти компоненты, где реализуется, скажем, идеал эстетического образования в том максимальном выражении, в каком эту идею описывал Иоганн Фридрих Шиллер. Мы говорим только о некотором допущении в общее образование сведений по религиоведению.

Мы опираемся в основном на научное знание, а что касается философского образования, то мне нет необходимости пересказывать все печальные факты, связанные с этой дисциплиной. Философия не преподается в школе, только один год она была включена в общеобразовательные стандарты.

Теперь философия, как известно, имеет урезанный характер и при сдаче кандидатского минимума. Когда мы принимаем экзамены по философии у будущих специалистов, то мы отчетливо видим, что этим будущим кандидатам, будущим специалистам, не хватает философской выучки. Не отшлифован интеллект, не отработаны мыслительные технологии. Непонятно почему. Потому что они никогда не работали с философскими текстами.

Элитарное образование, прежде всего, на мой взгляд, должно вынашивать идею целостности образования и должно транслировать все богатство накопленной культуры будущим поколениям. Это предназначение элитарной культуры, это ее социальная роль. Другого механизма общество сегодня не имеет для того, чтобы передать наиболее ценное знание, которое существует не фрагментарно, не разрозненно, а в своей идеальной сцепленности, и может давать статус образованного человека тому, кто обучается в этих стенах. Понятное дело, что те суперэлитные вузы, о которых шла речь, - это все-таки вузы, где господствует идеал массового образования, и уже сказал о том, что к идее элитарного образования это не имеет прямого отношения.

Другой признак элитарного образования, на мой взгляд, заключается в том, что оно не только транслирует знания, а пытается обеспечить личностный рост тех, кто находится в этой системе. Мы все больше превращаем наше образование в знания, которые кодифицируются, символизируются и в результате этих технологических операций утрачивают многие качества знания, которые оно должно иметь по определению. Знание, которое закодировано, не несет в себе оттенки эмоциональности, интеллектуальности, идеологичности, оно эти признаки утрачивает. Поэтому, когда А.В. Луначарский писал о том, что мы не должны превращать студента в перевернутую библиотеку, то речь шла именно о том, что не только давать знания, но и учить будущих специалистов умению пользоваться этим знанием, применять его на практике, а, в более идеальном выражении, развивать себя как личность. Идея личностного роста, которая сегодня, на мой взгляд, блистательно отсутствует в системе обсуждения проблем образования.

Поэтому общий пафос того, что я здесь позволил себе наговорить, заключается в том, что, на мой взгляд, идеальное общество, если оно хочет быть устойчивым, развивающимся, не может ограничиваться только массовым образованием. Я думаю, что через несколько десятилетий мы в состоянии полного отчаяния увидим все последствия этого одностороннего подхода к идее универсального образования. Мы увидим, что все то, чем мы сегодня восхищаемся, что так нас всех увлекает, - возможность передачи, трансляции информации на огромные расстояния, возможность сбережения этой информации, модификации этого образования, - это только одна сторона вопроса, которая, к сожалению, стирает другой полюс образовательного цикла, обозначенный в трудах названных мной социологов как образование элитарное.

Я понимаю, конечно, что эта идея не может рассматриваться сегодня на уровне социально-инженерного проекта. Мы не можем говорить о том, где будет реализовано это элитарное образование, кто будет заниматься

финансированием этого образования. Это скорее общетеоретическая постановка вопроса. Но я думаю, что, мы гуманитарии обязаны эту проблему поставить, потому что издержки, которые потенциально содержит в себе нынешнее образование, особенно в той программе реализации, о которой так замечательно здесь говорили, о недостатках той реформы, которая, безусловно, может оцениваться как опасная реформа. Но я полагаю, что мы обязаны думать и в философском плане, в социологическом плане о том, чтобы сохранить идеал не только массового, но и элитарного образования.

С. Плаксий. Думаю, что создание элитных ведущих (национальных) университетов за счет прочих вузов не приблизит Россию к решению стратегической задачи по созданию массового, качественного, доступного и эффективного высшего образования. Вместо этого будет создаваться высококачественное, но малодоступное высшее образование для небольшой доли избранных, прежде всего, по принципу платежеспособности при одновременном снижении качества в большинстве вузов. Искусственное создание элитных ведущих вузов – это путь вскармливания супермонополий в высшем образовании, которые заберут львиную долю государственного финансирования интеллектуальных и материальных ресурсов. Они станут не «точками роста», а образовательными корпорациями, подавляющими или подчиняющими себе конкурентов.

Кроме того, создание небольшого числа элитных вузов приведет к замкнутым на них кастам чиновников, политиков, бизнесменов. Уже сейчас такая кастовость заметна, если посмотреть, какие вузы закончили министры, губернаторы и другие представители высших эшелонов власти. Независимое рейтинговое агентство проанализировало, какие вузы заканчивали министры Российского правительства, их заместители, руководители федеральных агентств и служб, департаментов (вс15 человек), крупнейшие чиновники Администрации Президента и Совета Безопасности (57 человек) и оказалось, что это выпускники 31 вуза. Причем МГК окончили – 36 человек, то есть каждый десятый, Санкт-Петербургский государственный университет – 16 человек, МГИМО – 15 человек, Финансовую академию при Правительстве РФ и Российскую экономическую юридическую академию – 9 человек. С одной стороны, это показатель престижности указанных вузов. Но с другой стороны, мы знаем, что самым слабым местом России является неэффективность управления, в том числе в высших эшелонах власти, отсутствие продуманной стратегии, слабость экономической политики и правовой культуры. Следовательно, возникает вопрос о качестве образования выпускников ведущих вузов. То, что они некачественно работают, есть отражение того образования, которое они получили. Возникают и вопросы, как эти высшие чиновники пришли во власть? Например, большое количество выпускников из Санкт-Петербурга является следствием высоких их достоинств или того, что из этого города Президент страны? А наличие в правительстве во времена Гайдара и далее большого числа выпускников МГУ? Создание же суперэлитных вузов еще больше сузит правящую верхушку по образовательному признаку.

Образовательные стандарты

П. Гуревич. Человек является единственным на свете существом, которое транслирует полученное им знание следующим поколениям. Это уже не прикладная, социальная проблема. Здесь мы вступаем в область философии. Образование не просто вид общественной деятельности, изучение которой предполагает нахождение наиболее эффективных способов сохранения и передачи накопленного знания. Последовательное размышление о воспитании неизменно порождает постижение человеческой природы. Образование погружает исследователей в сферу социальной философии.

В связи с переходом общеобразовательной школы на новый цикл обучения Министерство образования предложило к обсуждению новые стандарты. Речь идет о тех дисциплинах, которые будут изучаться в школе, а также о ключевых понятиях, обязательных для подготовки будущих выпускников. Некоторые специалисты предлагают ввести в школе один предмет – обществознание, который позволит обеспечить преемственность обучения с 6 класса и до окончания школы. Другие настаивают на введении трех дисциплин – социологии, экономики и правоведения.

Как всегда, споры ведутся в узких кругах заинтересованных лиц. Общественность может не беспокоиться. О широком обсуждении этой важной социальной проблемы никто не заботится. Каковы наши соображения.

О. Филатов. Новые стандарты, как это очевидно, пронизаны духом бескрылого прагматизма. В любом варианте школьник не получит знаний в области философии, культурологии, психологии. Новые стандарты призваны, по замыслу их создателей, подготовить ребят к взрослой жизни. Они покинут школу с серьезным арсеналом практических сведений, которые позволят им определиться в выборе профессии и своего места в этом сложном мире. По первому впечатлению, все это замечательно. Ведь выпускники школы теперь – это немалые дети. Им надо подумать и о профессиональном призвании. Однако насколько оправданна ранняя профессионализация? Как помочь будущему специалисту развить свой интеллект, выработать широкий жизненный кругозор, наконец, обрести столь важные для любого человека нравственные ориентиры?

Любой серьезный мыслитель, обратившийся к вопросам образования, неизменно оказывался в русле общей социальной философии. Обучение знаниям — не локальный процесс, связанный с определенной сферой общественной жизни. Это живой нерв культуры, это архитектура грядущего. Стоило Платону подумать о том, как следует учить молодых людей накопленному знанию, и у него вызрел проект «идеального общества». Впервые в европейской культуре проблему связи поколений поставили античные философы, о чем пишет Платон в диалоге «Протагор». Он показывал, как можно передавать добродетель другим поколениям. Философы вели дискуссию и в ходе обсуждения пришли к выводу: чтобы государство могло существовать, должно существовать нечто единое, которому сопричастны все. Это добродетель. Платон подразумевал под добродетелью знание. Нет ничего

выше знания того, что есть худо, а что есть хорошо. Коли добродетель есть знания, то ему нужно научиться.

Концепция, выраженная в новых стандартах совершенно равнодушна к достижениям философской и педагогической мысли. И главный ее недостаток, ставший уже врожденным пороком,- неспособность подойти к проблемам нравственного воспитания ребят. В новых учебных стандартах постоянно повторяется фраза: «Ученик должен знать...» . Но разве задача образования сводится только к тому, чтобы превратить обучаемого в «перевернутую библиотеку»? Человек – это усилие быть человеком. Он может стать им только через воспитание. Задача школы – шлифовать интеллект, развить умения, пробудить нравственное чувство.

Отчего же все это подменено доктринальным натаскиванием, зубрежкой, нравственным безразличием. Должен ли школьник знать законы? Кто же спорит? Разумеется. Однако в каких пределах? Если несовершеннолетнего мальчика милиционер пытается отвести в участок, ребенок имеет право требовать, чтобы вызвали родителей: ведь он несовершеннолетний. Но следует ли изучать правоведение в полном объеме, запоминать статьи уголовного или административного кодекса? Здесь скрыто присутствует бесплодная и вульгарная мысль: чем больше будет знаний, тем меньше будет преступлений...

Профессор И. М. Ильинский правильно отмечает, что нравственность не входит в сферу знания. Она образует особую сферу – сферу ценностей. Их различие обнаруживается в том, что знания черпаются из мира, а ценности создают мир. Знания рассказывают о том, как устроена Вселенная, куда движется история, отчего меняется климат, почему возникло право. Мораль же организует мир человеческих отношений, задает их самую общую основу. Кант не только говорил о развитии нравственности и права, но придавал первостепенное значение «механизму» человеческой природы.

Э. Спирова. Жуткий случай произошел недавно в Москве. Две школьницы затащили на чердак свою подругу, связали и ушли. Жертву отыскивали уже окоченевшей. Отец погибшей, узнав подробности трагедии, позвонил в дверь квартиры, где жила одна из виновниц, вызвал ее и убил на месте.

Соседи долго обсуждали происшествие. Где предел, за которым человек должен остановиться, одуматься? Мнения, понятно, не во всем совпадали. Но многие настаивали на том, что отец прав. Здесь мы сталкиваемся с новой сферой общественной жизни – с регулированием поступков, отношений с другими людьми.

Есть на чем поразмыслить – не так ли? Впрочем, мы не первые. Люди давно задумались над этими вопросами. Читаем у Соломона Мудрого, царя Израиля и Иудеи: «Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их - путь к смерти». Свобода ставит каждого из нас перед выбором, потому что основана на нравственном законе, а не игре страстей...

В «Независимой газете» два доктора физико-математических наук объявили в «Независимой газете», что науку движет эксперимент, а не

моральное предписание. Если нет возможности измерить, просчитать, разглядеть, то нечего и теоретизировать. Научная методология, утверждали авторы, основана на проверках и перепроверках результатов, тщательном анализе условий и постановки экспериментов. Все это отшлифовало научный подход и превратило физику и другие «точные» науки в универсальный инструмент познания мира.

Авторы вразумляют: научное высказывание любого физика проходит многократную проверку... А философы (во главе с Сократом) способны только задержать развитие науки. «Древние греки, — пишут авторы, много внимания посвятившие философии, — всегда начинали с ответа на вопрос «а что это такое?». Они не позволяли себе сделать следующий шаг, пока не будет определен предмет исследования. Поэтому они успешно занимались геометрией и математикой, но на много сотен лет затормозили развитие физики. У них были гениальные догадки, но они могли бы продвинуться значительно дальше, если бы не ложная методологическая установка — философия впереди физики».

Бедные, наивные греки! Вместо того чтобы измерять массу и заряд, они мучительно размышляли над тем, а что это такое? Поздно, поздно, оказывается, спохватились эллины. Если бы древние греки, оставив свою любовь к мудрости, собирали минералы, дробя, разогревая или охлаждая их, если бы они занимались только опытами, наука как специфическая форма постижения реальности вообще не появилась бы.

Прежде чем приступить к опытной экспертизе, древние греки должны были вооружиться некоей догадкой. Не так ли в голове Демокрита появилась идея о том, что, вероятно, все многообразные предметы окружающего мира состоят из мельчайших неделимых частиц? Эта интуиция как раз и дала исток химии и физики. Поиск «кирпичиков» мироздания и открыл возможности для разносторонних экспериментов.

Все это вовсе не означает, что у древних греков, как сообщают нам авторы, была ложная методологическая установка — философия впереди физики. Напомним ученым мужам, что философия, она же, по определению учеников Аристотеля, «метафизика», это как раз то, что «после физики». Античная философия дала человечеству не просто ряд «гениальных догадок». Она нарисовала общий план мироздания, наметила пути его постижения, разработала общие и частные категории, которые позволили науке сделать колоссальный рывок в познании универсума. Например, философия отличный от науки способ мышления, погружения в тайны мира. Человек философствует, потому что он зачарован этой страстью. В ней он выражает самого себя. Человек делает это для собственного удовольствия, для самовыражения, ибо он рожден философом.

Но главное - его мучают нравственные вопросы. За движением звезд угадывается какая-то божественная установка. Поступок человека вызван его пониманием глубинных связей между людьми. Сократ просил своих друзей привести примеры мужества, чтобы выяснить, что это такое. К примеру, герои долго защищают осажденную крепость, чтобы она не досталась врагу. Разве это

не мужество? Нет, — возражает Сократ. Подвиг, конечно, добрый поступок. Но ведь мы не знаем, что переживают защитники крепости. Может быть, они стоят у стен крепости, пребывают в панике. А ведь мужество — это, прежде всего, состояние духа. А те, кто определяет мужество через стойкость, ничего не говорят нам о переживаниях героев. Они стоят на смерть, но по какой причине? Что ими движет?

Размышляя о человеке, о знании, мужестве и других его добродетелях, Сократ не хочет упрощений, поверхностных суждений. Он пытается обсудить все тонкости человеческого поведения. Конечно, это поучительный урок для нас.

Однако отчего это древние столь равнодушны к практическому знанию и столь щепетильны по отношению к знанию нравственному? Ответ ясен: они считают, что практическое знание, не выверенное моралью, оказывается бесплодным.

Отчего же все это подменено в современном образовании доктринальным натаскиванием, зубрежкой, нравственным безразличием? Должен ли школьник знать законы? Ну, кто же спорит? Разумеется. Однако в каких пределах? Если несовершеннолетнего мальчика милиционер пытается отвести в участок, мальчик имеет право требовать, чтобы вызвали родителей: ведь он несовершеннолетний. Но следует ли изучать правоведение в полном объеме, запоминать статьи уголовного или административного кодекса? Здесь скрыто присутствует такая мысль: чем больше будет знаний, тем меньше будет преступлений....

Е. Яковлев. Информационный комплекс является вызовом нашему мышлению. Способны ли мы исследовать саму информатическую мысль? Можем ли мы обдумывать феномен техники? Способны ли мы продолжать возвращать культуру на древних землях наших предков?

Компьютер способен в интеллектуальной сфере сделать все. Он «понимает» и переводит. Но так ли это? Ведь понимание здесь лишь процесс, который использует разнообразие данных, хранимых в машинной памяти, с тем чтобы обрабатывать новые данные и эксперименты. Но компьютер еще не способен к «невербальному пониманию», он еще не способен искать в речи интонации гнева, радости. Все эти чудеса есть имитация некоторых операций мозга, если бы он был вынут из своего черепного ложа и функционировал бы в бокале - со всеми нервными окончаниями, конечно, питаемый физиологическим раствором.

Интеллект не есть способность накапливать знания, использовать их, решать проблемы, запоминать. Ум есть деятельность всей совокупности человеческого существования, он питается человеческими связями, происшествиями, усталостью и бодростью, выбором знаний. Интеллект - не алгебра. Он - одна из функций живого. И какие бы ни были стимуляторы, компьютер не живой. Он всегда будет лишь стимулятором.

В общем, человеческую мысль питает прожитый опыт, его запоминание и интерпретация. Воображение, воображаемое, интуиция, импровизация, целостное видение превращаются в мысль. Человеческий мозг может быть

имитирован компьютером, но он не отделим от тела, и именно опыт тела вызывает реакции мозга и направляет рациональный процесс в ту или иную сторону. Конечно, романы могут представлять нам изящно описанный «влюбленный» компьютер или открывать глаза на сближение качеств компьютера с человеком. Но это фантастика, так как у компьютеров нет ни страха, ни снов, ни желаний, ни мыслей, которые побуждают человеческую мысль.

Самая прекрасная и совершенная машина остается чисто рациональным созданием, а человек таковым не является. Более того, человек не рационален в своих чувствах, взглядах, мнениях, поступках, но еще больше значимо то, что он очень неуютно чувствует себя в рациональной среде. Кто не испытал ужаса при чтении утопий, будь они написаны в XVI или XIX веке, описывающих ситуации прекрасно механизированных организаций, замкнутые, строго рационализированные, регламентированные поселения, где все до жути функционально, все расписано, все просматриваемо и предвидимо. Едва ли нашелся бы хоть один человек, который пожелал бы жить в таком месте. И каждый раз, как только человек действительно оказывается в чрезмерно рационализированной ситуации, он мгновенно вырабатывает иррациональное поведение. Чем больше общество становится рациональным, тем больше человек допускает иррациональных актов.

Самая рациональная система, усиливающая неадаптированность и социальные издержки, умножает маргинальные слои населения; аппараты, предназначенные дать больше свободы, порождают максимум принуждений, ускорение эволюции системы порождает усиление и учащение кризисов. Умножение средств ведет к исчезновению целей. Рост универсального могущества усиливает социальную беспомощность, а средства могущества, силовые средства каждого индивида выступают в качестве протеза, который устраняет естественное использование неотъемлемых функций организма.

Техническая рациональность включена в систему иррациональных сил, неразумия. Рациональность может оправдать все: централизацию, модернизацию, научную организацию труда, глобализацию технических сетей, а также концентрационные лагеря, позволяющие ничего не терять даром: ни самую дешевую в мире рабочую силу, ни обязанность врагов режима работать на режим, ни трупы, ни которых можно извлекать волосы, зубы и пр. - шедевр рациональности.

В. Луков. Многие десятилетия в нашей стране проводилась политика массового образования. России были нужны специалисты, для цивилизационного рывка требовались грамотные люди. Проблема элитарного образования по существу не анализировалась. Всеобщее равенство как политический лозунг исключало всякого рода элитарность. Между тем именно элитарное образование включает в себя наиболее значимую часть культурного наследия, именно оно способно транслировать наиболее ценные элементы культуры.

П. Гуревич. Да, конечно, у нас говорят о непрерывном образовании, о дифференцированном образовании, о лично ориентированном

образовании. Но когда мы читаем труды, посвященные этим проблемам, то видим, что все-таки идея личностного роста, идея раскрытия человеческого потенциала в этих технологиях отсутствует. Речь идет о воспитании духовности, о необходимости индивидуальной работы, об учете индивидуальных особенностей наших обучаемых. Но идея полного раскрытия человеческой субъективности, полного обогащения личности – то идея, по крайней мере, в тех трудах, которые находятся в поле моего зрения, эта идея не ставится даже в общетеоретическом плане.